Отель «Новая Роза»

Уильям Гибсон

SHOUT
SHARE
IT

- Уильям Гибсон
  -

Уильям Гибсон

Отель «Новая Роза»

Семь ночей в этом гробу, Сенди, семь взятых взаймы у времени ночей.

Отель «Новая роза». Как я хочу тебя сейчас. Было несколько случаев, когда я ударил тебя. Проигрывая это в памяти, медленно — жестоко и сладко, — я едва ли не ощущаю это. Иногда я вынимаю из сумки твой маленький автоматический пистолет, провожу большим пальцем по гладкому дешевому гробу. Китайский, 22-й калибр, дуло не шире расширившихся зрачков твоих исчезнувших глаз.

Фокс теперь мертв, Сенди.

Он сказал, чтобы я забыл о тебе.

Помню, Фокс стоит, облокотившись об обитую плюшем стойку в полутемном баре какой-то сингапурской гостиницы, кажется, на Бенкулен-стрит. Его руки рисуют в воздухе различные сферы влияния, расставляют на невидимой доске внутренних соперников.

Взмах левой обозначает кривую графика чьей-то карьеры, а указательный палец правой утыкается в меня будто в уязвимое место, которое он обнаружил в броне какого-нибудь танка мысли. Фокс — снайпер в войне мозгов, посредник на перекрестках большого бизнеса.

Он — разведчик в тайных вылазках «дзайбацу», контролирующих мировую экономику транснациональных корпораций.

Я вижу, как Фокс ухмыляется, тараторит. Он встряхивает головой, отметая мои экскурсы в промышленный шпионаж. Грань, говорит он, всегда ищи Грань. Он произносит это слово с нажимом, так и слышится заглавная буква в начале. Грань для Факса — Чаша Грааля, необходимая составляющая выдающегося человеческого таланта, не подлежащая передаче, запертая в мозгу самых крутых ученых мира.

Грань не записать на бумагу, говорил Фокс, не набить на дискету.

Деньги делаются на отступниках, предающих свои корпорации .

Фокс был вкрадчив и ловок, как лис. Солидность его темных французских костюмов уравновешивалась мальчишеским вихром,

не желавшим оставаться на своем месте. Меня всегда расстраивало то, как пропадала видимость изящества, когда он отходил от стойки бара, левое плечо вывернуто под таким углом, что не скрыть никакому парижскому портному. В Берне кто-то переехал Факса такси, и ни один хирург так и не додумался, как выправить ему позвоночник.

Думаю, я пошел за ним, потому что он сказал, что охотится за Гранью.

И где-то там, на пути к Грани, я и нашел тебя, Сенди.

Отель с громким названием «Новая роза» — это всего лишь нагромождение гробов на обшарпанной окраине международного аэропорта Нарита. Пластиковые капсулы в метр высотой и три длиной, похожие на выпавшие зубы Годзиллы, подвешены над бетонным основанием у дороги в аэропорт. В потолок каждой капсулы вмонтирован телевизор. Я целые дни проводил за японскими викторинами и старыми фильмами. Временами я держал в руке твой пистолет.

Иногда мне слышно, как через равные промежутки времени в Карете поднимаются самолеты. Закрыв глаза, я представляю, как четкий белый хвост выхлопов расплывается, теряет форму.

Впервые я увидел тебя в дверном проеме обшарпанного бара в Йокогаме. Евразийка, полугайдзин. Длинные ноги и сногсшибательный струящийся наряд, китайская копия с оригинала какого-то известного японского кутюрье. Темные европейские глаза, азиатские скулы. Я помню, как потом, в номере, ты вытряхнула сумочку на постель, выискивая что-то среди косметики. Мятый сверток новых иен, ветхая записная книжка, перетянутая резинкой, банковский чип «Мицубиси», японский паспорт с тисненой золотой хризантемой на обложке и китайский 22-го калибра.

Ты рассказала мне недлинную историю своей жизни.

Твой отец был служащим в Токио, но теперь он опозорен, лишен состояния и выброшен на улицу «Хосакой», самой могущественной среди дзайбацу. Той ночью твоя мать была голландкой, и ты разворачивала передо мной, пока я слушал, бесконечные летние дни амстердамских каникул, где голуби покрывают площадь Дамм мягким коричневым ковром.

Я никогда не спрашивал, что сделал твой отец, чтобы заслужить такой позор. Наблюдал за тобой, когда ты одевалась, смотрел, как ты встряхиваешь темными прямыми волосами, как они прорезают воздух.

Теперь «Хосака» охотится за мной.

Гробы «Новой розы» подвешены на изношенных лесах — стальные трубы под яркой эмалью. Когда я карабкаюсь по

лестнице, снежинки облупившейся краски, кружась, летят вниз, осыпаются с каждым моим шагом по шаткому настилу. Левая рука отсчитывает люки гробов. Надписи на нескольких языках предупреждают о штрафах за потерю ключа.

Я поднимаю глаза — взглянуть, как из Нариты взлетают самолеты, возвращаясь к дому, далекому теперь, как луна.

Фокс моментально сообразил, как тебя использовать, но у него не хватило прозорливости понять, что и у тебя могут быть амбиции. Но ведь он не лежал с тобой рядом на пляже Камакуры, вслушиваясь в твои ночные кошмары, никогда не слышал полностью придуманного детства, неуловимого и изменчивого под равнодушными звездами. Детский рот открывается, чтобы поведать новую версию недавнего прошлого. И всякий раз ты клялась, что этот вариант — истинная и окончательная правда.

Мне было все равно, я обнимал твои бедра, а под локтем остывал колючий песок.

Однажды ты оставила меня, убежала на пляж, сказав, что потеряла ключ. Я обнаружил его в двери, спустился к морю — и нашел тебя по колено в прибое. Гибкая спина напряжена, глаза устремлены куда-то вдаль. Ты не могла говорить. Тебя била дрожь. Трясло во имя иных будущих и лучших прошлых.

Сендии, ты оставила меня там.

Как оставила мне все свеж вещи.

Этот пистолет. Твоя косметика: тени и румяна, запечатанные в пластик. Подаренный Факсом мини-компьютер «Крей», а в нем — список покупок, который ты, очевидно, вводила сама. Иногда я прокручиваю этот список, глядя, как изящно скользит по серебристому экранчику каждая запись.

Морозильная камера. Ферментер. Инкубатор. Система электрофореза с интегрированной камерой «агар-агар» и транслюминатором. Прибор для вживления тканей.

Высокочастотный жидкостной хроматограф. Поточный цитометр. Спектрофотометр. Четыре дюжины пузырьков боросиликатной сциенциляции. Микроцентрифуга.

И синтезатор ДНК со встроенным компьютером. Плюс необходимый софт.

Недешево, Сенди; но тогда по нашим счетам платила «Хосака». Месяц спустя ты заставила их заплатить гораздо дороже, впрочем, к тому времени тебя было уже не найти.

Этот список тебе явно составлял Хироси. Наверное, в постели. Хироси Йомиури. Он был собственностью «Маас-Биолабс Лтд». «Хосака» хотела прибрать его к рукам.

Он был крут. Грань, притом острая. Фокс следил за генными инженерами с одержимостью фаната, не отрывающего глаз от

игроков любимой команды. Факсу так хотелось заполучить Хиреем , что он разве что во рту не ощущал вкус этого желания.

До твоего появления он трижды посылал меня во Франкфурт — просто взглянуть на генетика. Не для того, чтобы закинуть удочку или даже просто кивнуть или подмигнуть ему. Только посмотреть.

Судя по всему, Хироси прочно осел на немецкой земле. Наш японец отыскал себе немочку с пристрастием к консервативным ценностям и к ботинкам для верховой езды, начищенным до блеска свежего грецкого ореха. Купил отреставрированный дом на престижной площади. Стал брать уроки фехтования и забросил кендо.

И повсюду «маасовская» охрана, слаженная команда профессионалов — светлый тягучий сироп наблюдения.

Вернувшись, я сказал Факсу, что дело гиблое, что нам никогда до него не добраться.

Ты сделала это за нас, Сенди. Единственно возможным способом.

Связники «Хосаки» играли роль особых клеток, защищающих материнский организм. Мы же были мутагенами, Фокс и я, сомнительными агентами, свободно дрейфующими в мутных водах внутренней среды корпорации.

После того как ты прибыла в Вену, мы предложили им Хироси. Люди дзайбацу и глазом не моргнули. Мертвая тишина в номере лос-анджелесского отеля. Они сказали, им нужно подумать.

Фокс произнес вслух имя главного конкурента "Хосаюо в состязании умов. Как гулко оно отдалось в мертвой тишине. Фокс нарушил неписаное правило, запрещающее называть настоящие имена.

Нужно подумать, сказали они.

Фокс дал им три дня.

Перед Веной я повез тебя на неделю в Барселону. Я помню твои волосы, забранные под серый берет, отражение высоких монгольских скул в витринах антикварных лавок. Ты шагала вниз по Рамблас к Гавани Феникса, мимо стеклянных крыш торговых рядов Меркадо… апельсины из Африки…

Старый «Риц»: в нашей комнате тепло, темно, мягкая тяжесть Европы укрывает нас ватным одеялом. Я мог войти в тебя, когда ты спала. Ты всегда была готова. Видеть, как твои губы складываются в мягкое округлое "о" удивления. Твое лицо готово утонуть в пухлой белой подушке… архаичные простыни «Рица».

Внутри тебя я воображал, что вижу буйство неона, толпы людей, снующих вокруг вокзала в Синьдзюку, бредовую

электрическую ночь. Ты и двигалась как бы в ритме нового века, сонная и чуждая душе любого народа.

В Вене я поселил тебя в любимом отеле жены Хироси. Тихая дрема солидного вестибюля, пол выложен плиткой наподобие шахматной доски. В начищенных медных лифтах пахло лимонным маслом и маленькими сигарами. Так легко было представить себе эту немочку здесь — заклепки ботинок отражаются в полированном мраморе, — но мы знали, что на этот раз она не приедет.

Она отправилась на курорт куда-то в Рейнланд, а Хироси — в Вену на конференцию. Когда отель наводнила служба безопасности «Мыса», тебя нигде не было видно.

Хироси прибыл час спустя — один.

— Представь себе, — сказал как-то Фокс, — инопланетянина, который прибыл, чтобы определить доминирующую форму разума на планете. Инопланетянин осматривается, потом делает выбор. Как ты думаешь, кого он выберет?

Я, вероятно, пожал плечами.

— Дзайбацу, — ответил на свой вопрос Фокс, транснационалов. Плоть и кровь дзайбацу — это информация, а не люди. Сама структура совершенно независима от составляющих ее отдельных личностей. Корпорация как форма существования.

— Только не начинай опять о Грани, — взмолился я.

— «Маас» не такой, — не унимался Фокс, не обращая на меня внимания. — «Маас»… маленький, быстрый, беспощадный… Атавизм. «Маас» — воплощенная Грань.

Мне вспоминается, как Фокс распространялся о сути Грани Хироси. Радиоактивные протонные ядра, моноклонные антитела, что-то связанное с утечкой протеинов, нуклеидов… Бешеные, называл их Фокс, бешеные протеины. Скоростные передачи внутри цепей.

Он говорил, что Хироси — настоящий монстр, что он из тех, кто сметает устоявшиеся парадигмы, изобретает новые отрасли науки, несет в себе радикальную переоценку целой области знаний. Структурная основа, говорил Фокс, и горло у него перехватывало от неземного богатства этих двух слов с высоким, едким запахом прилипших к ним трех беспошлинных миллионов.

«Хосака» желала заполучить Хироси, но и для них его Грань тоже была слишком остра. Они хотели, чтобы он работал в изоляции.

Я отправился в Марракеш, в древний город Медину.

Отыскал там лабораторию, переоборудованную под производство вытяжки из феромонов. Препарат закупался на

деньги «Хосаки».

Потом мы с потным португальским бизнесменом шли через рынок Джемаха-эль-Фна, обсуждая флюоресцентное освещение и установку вытяжных шкафов. За стенами города — высокие хребты гор Атласа. Джемахаэль-Фна запружена фокусниками, танцорами, сказителями, мальчишками, ногами вращающими гончарный круг, безногими нищими с деревянными плошками под мультипликационными голограммами с рекламой французских софтов.

Мы шагали мимо тюков сырой шерсти и пластмассовых пробирок с китайскими микрочипами. Я намекнул, что мои работодатели планируют производить синтетический бета-эндорфин. Всегда подбрасывайте подручным что-нибудь доступное их пониманию.

Сендии, иногда я вспоминаю тебя в Хараюку. Закрываю глаза здесь, в этом гробу, и мысленно вижу тебя… Блеск хрустального лабиринта бутиков, запах новой одежды. Я вижу, как твои скулы скользят вдоль хромированных прилавков с парижской кожей. Временами я держал тебя за руку.

Мы думали, наши поиски увенчались успехом, но на самом деле — это ты нашла нас, Сенди. Теперь я понимаю: ты сама настойчиво искала нас или таких, как мы. Фокс был вне себя от радости, обдумывая, как лучше использовать этот новый инструмент, яркий и острый, будто скальпель. Этот-то инструмент и поможет нам отсечь неподатливую Грань Хироси от ревнивого материнского организма «Маас-Биолабс».

Ты, наверное, долго искала, металась в безысходности твоих ночей в Синьдзюку. Ночей, которые ты тщательно удалила из разрозненной колоды своего прошлого.

Мое же собственное давным-давно кануло в никуда.

Кому, как не мне, знать, откуда берутся такие привычки, как у Факса, — опустошать по ночам бумажник, перетасовывать документы. Он раскладывал удостоверения на чужие имена в различном порядке, перекладывал их с места на место, ждал возникновения картинки. Я знал, что он ищет. Ты проделывала со своим детством то же самое.

Сегодня ночью в «Новой розе» я вытягиваю карту из колоды твоих прошлых.

Выбираю исходную версию, знаменитый «текст отеля в Йокогаме», продекламированный в ту первую ночь в постели. Выбираю опозоренного отца, служащего «Хосаки». «Хосака»… Подумать только, какое великолепие!

И мать-голландку, и лето в Амстердаме… мягкое покрывало голубей на площади Дамм.

Из зноя Марракеша — в кондиционированные залы «Хилтона». Пока я читал твое сообщение, переданное через Факса, влажная рубашка холодным компрессом липла к пояснице. Вся игра строилась на тебе, и ты была в ударе: Хироси оставит жену. Ты без малейшего труда связывалась с нами даже сквозь прозрачную плотную пленку службы безопасности «Мыса».

Кто, как не ты, показал Хироси распрекрасное местечко, где подают великолепный кофе и чудные булочки по-венски. Твой любимый официант был седоволос, добр, хромал на правую ногу и работал на нас. Шифрованные записки он забирал вместе с льняной салфеткой .

Весь сегодняшний день я слежу за маленьким вертолетом, вычерчивающим концентрические круги над моей крохотной страной, землей моего изгнания — отелем «Новая роза». Наблюдаю в отверстие люка за тем, как его терпеливая тень пересекает заляпанный жирной грязью бетон. Близко, совсем близко.

Из Марракеша я вылетел в Берлин. Встретился в баре с уроженцем Уэльса и начал подготовку к исчезновению Хироси.

Механика его была сложной, изощренной, как медные приспособления и скользящие зеркала театральной магии викторианских времен. Желаемый эффект должен быть предельно прост. Хироси зайдет за «мерседес», работающий от водородного генератора, и исчезнет. Дюжина агентов «Мыса», постоянно за ним наблюдающих, окружит грузовичок, как встревоженные муравьи. Вся служба безопасности «Мааса» эпоксидной смолой стянется к месту отбытия генетика.

В Берлине умеют быстро улаживать дела. Мне даже удалось устроить последнюю ночь с тобой. Я скрыл это от Факса: он бы ворчал, что это излишний риск. Теперь мне уже не вспомнить название городка, где ты ждала меня. Я помнил его не больше часа, пока гнал машину по автобану под сероватым рейнским небом, и забыл в твоих объятиях.

Ближе к утру начался дождь. В нашем номере было одно окно, высокое и узкое, у которого я стоял и смотрел, как дождь серебряным гребнем расчесывает реку.

Шорох твоего дыхания. Река текла под низкими каменными арками. Улица была пуста. Европа казалась мертвым музеем.

Я уже заказал тебе билет на самолет на новое имя, в Марракеш через Орли. Ты будешь уже в пути, когда я потяну за последнюю ниточку, и Хироси исчезнет из виду.

Ты оставила свою сумочку на темной столешнице старого бюро. Пока ты спала, я перебирал твои вещи и откладывал в сторону все шедшее вразрез с прикрытием, которое я купил тебе в

Берлине. Я забрал китайский пистолет 22-го калибра, твой мини-компьютер и банковский чип. Вынул из портмоне новый голландский паспорт, чип швейцарского банка на то же имя, засунул в твою сумку.

Моя рука скользнула по чему-то плоскому. Вытащил. Подержал в руке дискету. Неказистая, никаких наклеек.

Она лежала у меня на ладони — эта смерть, — выжидая случая, чтобы ужалить, дремала, свернувшись кольцами кодов.

Так я и стоял, следил за твоим дыханием, смотрел, как поднимается я опадает твоя грудь. Видел полуоткрытые губы и — в припухлости нижней — легкий намек на синяк.

Дискету я кинул в твою сумку. Когда я наконец лег, ты, проснувшись, перекатилась поближе ко мне. В твоем дыхании — электрическая ночь Новой Азии, будущее, которое поднимается в тебе прозрачным ликером, смывая все, кроме наступившего мгновения. В этом заключалась. тайна твоего колдовства — в том, что ты жила вне истории, вся в настоящем.

И знала, как увести меня туда.

Тогда ты взяла меня с собой в настоящее в последний раз.

Бреясь, я слышал, как ты высыпаешь в мою сумку косметику. Я теперь голландка, сказала ты, хочу соответствовать .

Доктора Хироси Йомиури хватились в Вене, в тихом переулке неподалеку от Зингер-штрассе, в двух кварталах от любимого отеля его жены. Ясным октябрьским утром, на глазах десятка квалифицированных свидетелей, доктор Йомиури исчез..

Он ступил в Зазеркалье. Где-то за сценой — смазанная игра викторианского часового механизма.

В женевской гостинице я ответил на звонок уэльсца.

Дело сделано. Хироси провалился в кроличью нору и направляется в Марракеш.

Наливая себе виски, я думал о твоих ногах.

Через день мы с Факсом встретились в Парите, а баре аэровокзала «Джапан Эйр Лайнс», где подают суши. Он только что сошел с самолета «Эйр Марокко», измотанный и торжествующий. Естественно, ни о чем, кроме Хироси, он говорить не мог.

Понравилось, сказал он, имея в виду лабораторию.

Любит, сказал он, имея в виду тебя.

Я улыбнулся. Ты ведь обещала через месяц встретиться со мной в Синьдзюку.

Твой дешевый пистолетик в отеле «Новая роза». Хром уже пошел трещинами. Механизм топорный, грубая китайская штамповка в дешевом металле. На обеих сторонах рукояти свернулся красный пластмассовый дракон.

Скорее детская игрушка, чем оружие.

Фокс ел суши на аэровокзале «Джей-Эй-Эль», пребывая в эйфории от ловкости той операции, какую мы провернули. У него болело плечо, но он сказал: плевать.

Теперь есть деньги на лучших докторов. На все что угодно.

Почему-то для меня деньги «Хосаки» не имели особого значения. Нет, я не сомневался в нашем новом богатстве.

Оно казалось само собой разумеющимся, как будто пришло к нам вместе с новым порядком вещей, как признак того, кем и чем мы стали.

Бедняга Фокс. Со своими синими оксфордскими рубашками, накрахмаленными до небывалого хруста, с парижскими костюмами из самой дорогой и мягкой ткани.

Он сидел в «Джей-Эй-Эль», макая суши в правильный прямоугольник зеленого хрена, и дни его уже были сочтены.

Стемнело. Ряды гробов «Новой розы» освещены прожекторами с верхушек стальных раскрашенных мачт.

Ничто здесь, похоже, не используется по своему прямому назначению. Все — бывшее в употреблении, все отжившее свой век, даже гробы. Сорок лет назад эти капсулы размещались, наверное, в Токио или Йокогаме, современное удобство для путешествующих бизнесменов.

Быть может, в таком спал твой отец. Когда-то и леса были новыми, и возвышались они, наверное, вокруг раковины какого-нибудь зеркальной башни в Гинзе, а на них суетились бригады строителей.

Вечерний бриз принес гомон из салона игры в латаны) и запах тушеных овощей с тележек через дорогу.

Я намазываю креветочную пасту на оранжевые рисовые крекеры. Слышен гул самолетов.

В последние несколько дней в Токио мы с Факсом занимали смежные номера на тридцать третьем этаже отеля «Хайот». Никаких контактов с «Хосакой». Нам заплатили — и тут же стерли все данные о сделке из официальной памяти корпорации.

Но Фокс не унимался. Хироси был его детищем, его любимым проектом. У моего компаньона появился собственнический, почти отеческий интерес к Хироси. Грань была для него всем. Так что Фокс потребовал, чтобы я не терял связи с португальцем из Марракеша, который согласился по дружбе присмотреть за лабораторией Хироси.

Он звонил нам с автостоянок в Джемаха-эль-Фна, в трубке фоном звучали завывания разносчиков и волынки Атласа. В Марракеше идет какая-то тайная игра, сказал он в первом же разговоре. Фокс кивнул: «Хосака» .

Десяток звонков, и я заметил перемену в поведении Факса — какое-то напряжение, рассеянность. Часто я заставал его у окна. Он глядел с тридцать третьего этажа вниз на Императорские сады, погруженный в мысли, которыми не желал делиться.

Потребуй с него более подробное описание, сказал он через неделю. Ему показалось, что человек, которого наш связник видел выходящим из лаборатории Хироси, похож на Мэннера, ведущего специалиста лабораторий генной инженерии «Хосаки».

Это он, сказал Фокс после следующего звонка. Еще звонок, и ему показалось, что он опознал Шеданна, руководителя группы, занимающейся протеинами. Ни того ни другого уже более двух лет не видели за пределами научного городка корпорации.

К тому времени стало очевидно, что в Мединy потихоньку стягивают ведущих ученых «Хосага», в аэропорту Марракеша тихонько шуршали своими крыльями из углеродистого волокна черные служебные «лиры». Фокс качал головой. Уж он-то был профессионалом, и во внезапном скоплении всех лучших умов корпорации в Медине ему виделся крупный провал дзайбацу.

Господи, говорил он, наливая себе «Черного ярлыка», сейчас они свезли туда весь свой отдел биологии. Всего одна бомба. Он покачал головой. Одна граната в нужном месте в нужное время.

Я напомнил ему о технике насыщения агентурой, к которой, судя по всему, прибегла служба безопасности «Хосаки». У «Хосаки» есть свои люди в самой верхушке Дивана, и массированное проникновение ее агентов в Марракеш возможно только с согласия и при содействии марокканского правительства.

Брось, сказал я, дело прошлое. Все кончено. Ты продал им Хироси, теперь забудь об этом.

Я знаю, что происходит, ответил он. Знаю. Я уже такое видел.

Он сказал, что в работе всякой лаборатории есть неуправляемый фактор неожиданности. Край Грани, так он это называл. Иногда, когда один исследователь вплотную подходит к прорыву, другим бывает трудно, почти невозможно повторить его результаты. Это более чем вероятно в случае Хироси, чьи идеи противоречат основным концепциям в области генной инженерии. В результате каждого такого вундеркинда перебрасывают из его родной лаборатории в корпоративную — покажи, мол, на что ты способен. Несколько на первый взгляд бессмысленных настроек: повернул один рычажок, другой — и процесс идет. Бред какой-то, говорил Фокс, никто не знает почему, но ведь работает. И он усмехнулся.

Но они крупно рискуют, продолжал он. Эти ублюдки сказали нам, что изолируют Хироси, будут держать его подальше от русла

основных исследований. Дерьмо. Готов поспорить на свою задницу, в научных кругах «Хосаки» идет борьба за власть. Какая-то шишка в надежде на прорыв проталкивает своих людей, притирает их о Хироси. Когда Хироси выбьет стул из-под генной инженерии, ребятишки из Медины будут уже готовы.

Он допил свое виски и пожал плечами.

Иди спать, сказал он. Ты прав, все кончено.

Я и в самом деле пошел спать, но меня разбудил телефон. Снова Марракеш, белая статика спутниковой связи, наплыв перепуганного португальского.

«Хосака» не заморозила наш кредит, он просто испарился, как по мановению волшебной палочки. Мифическое золото. Только что мы были миллионерами в самой твердой в мире валюте — и вот мы нищие. Я разбудил Факса.

Сенди, сказал он. Она продала. Агенты «Мааса» перевербовали ее в Вене. Господи, помилуй.

Я отстраненно смотрел, как он вспарывает свой потрепанный чемодан швейцарским армейским ножом. Там между картоном и обивкой были клейкой лентой прикреплены три золотых слитка. Гибкие пластины, каждая заверена печатью казны какого-то испустившего дух африканского правительства.

Мне надо было бы разглядеть это раньше, — его голос звучал безжизненно.

Я сказал: «Нет». Кажется, я произнес твое имя.

Забудь ее, сказал он. На нас уже объявлена охота.

«Хосака» же решит, что это мы их подставили. Берись за телефон и проверь наши счета.

Наш кредит исчез. В банке отрицали, что у нас вообще был счет.

Рвем когти, сказал Фокс.

И мы побежали. Через служебный вход прямо в суматоху уличного движения, по улицам Токио и вниз в Синьдзюку. Именно тогда я впервые осознал, как длинны руки «Хосаки».

Все двери заперты. Люди, с которыми мы два года вели дела, встречали нас пустыми лицами, и я видел, как у них во взгляде с грохотом захлопываются железные ставни. Мы выскакивали, прежде чем они успевали добраться до телефона. Напряжение на поверхности дна утроилось, повсюду мы натыкались на отбрасывающую нас назад глухую мембрану. Никаких шансов лечь на дно, скрыться из виду.

«Хосака» позволила нам побегать большую часть первого дня. А потом они послали своих людей во второй раз сломать Факсу спину.

Не знаю, что там произошло, но я видел, как он падал. Мы

оказались в универмаге в Гинзе за час до закрытия, бежали по переходам… вдруг Фокс по широкой дуге летит вниз с полированного балкончика, в гущу всех этих товаров из Новой Азии.

Почему-то они пропустили меня, и по инерции я продолжал бежать. Вместе с Факсом пропало золото, но у меня в кармане завалялась сотня новых иен. Я бежал.

Всю дорогу до отеля «Новая роза».

А теперь пришло мое время.

Пойдем со мной, Сенди. Слышишь, как бормочет неон вдоль трассы в международный аэропорт Нарита?

Несколько запоздалых мотыльков безостановочно кружат над прожекторами «Новой розы».

Знаешь, что самое смешное, Сенди? Иногда мне кажется, что тебя просто не было. Фокс как-то сказал, что ты — эктоплазма, призрак, вызванный кризисами экономики. Призрак нового века, сгущающийся на тысячах постелей в мирах «Хайяттов», в мирах «Хилтонов» .

Сейчас я сжимаю в кармане куртки твой пистолет, и с ним рука кажется такой далекой.

Я помню, как мой связник-португалец, забыв свой английский, пытался передать это на четырех языках, которые я едва понимал. Мне показалось, что Медина горит. Нет, не Медина. Мозги лучших ученых «Хосаки».

Чума, задыхаясь, шептал он, мой бизнесмен, чума, и лихорадка, и смерть.

Умница Фокс, он все вычислил, пока мы бежали.

Мне не пришлось даже упоминать о дискете в твоей сумочке .

Кто-то перепрограммировал синтезатор ДНК, сказал он. Эта игрушка только на то и годилась, чтобы создать какую-то макромолекулу за одну ночь. К чему еще этот встроенный компьютер и весь этот пользовательский софт? Дороговато, Сенди. Впрочем, сущая безделица по сравнению с тем, во что ты обошлась « Хосаке».

Надеюсь, «Маас» хорошо тебе заплатил.

Дискета у меня на ладони. Дождь над рекой. Я ведь все знал, но не смог взглянуть фактам в лицо. Я сам положил код этого вирусного менингита на место и лег рядом с тобой.

Так что Мэннер умер, а с ним и все остальные ученые «Хосаки». Включая Хироси. Шеданн остался жив, отделался неизлечимым повреждением мозга — едва ли это можно назвать жизнью.

Хироси и в голову не пришло подумать о последствиях рутинного эксперимента. Протеины, программу которых он

вводил, были совершенно безвредны. Так что синтезатор щелкал себе всю ночь, выстраивая вирус по инструкциям «Маас-Биолабс Лтд».

«Маас»… Маленький, быстрый, беспощадный… Воплощенная Грань.

Длинной стрелой дорога на аэропорт.

Держись тени.

А я кричал что-то этому португальскому голосу, заставил его сказать мне, что сталось с девушкой, с женщиной Хироси. Исчезла, сказал он. Скрежет викторианского часового механизма.

Так что Факсу пришлось упасть с четвертого яруса универмага, упасть вместе с тремя такими трогательными золотыми слитками и в последний раз сломать себе спину. На первом этаже универмага в Гинзе все покупатели, прежде чем закричать, мгновение смотрели на него в полном молчании.

Я просто не в силах ненавидеть тебя, девочка.

А вертолет «Хосаю» вернулся. Огни погашены: он охотится в инфракрасных лучах, нащупывая теплую плоть. Приглушенный вой — это он разворачивается в нескольких сотнях метров, поворачивает к нам, к «Новой розе». Молниеносная тень на фоне свечения Нариты.

Все в порядке, девочка. Только, пожалуйста, приди.

Возьми меня за руку.